

**ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ГРАНИЦ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ ФРГ-СССР 1949-1970 ГОДОВ**

Сорокин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук,

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск*

В статье рассматривается проблема непризнания послевоенных границ в Восточной Европе западногерманским правительством в контексте развития двусторонних отношений ФРГ-СССР. Определены негативные последствия противоречий в германском вопросе для развития экономических отношений. Раскрыты основные причины политики непризнания ФРГ до 1970 года и смены концепции после прихода к власти правительства Вилли Брандта. Показана роль Московского договора 1970 года для развития двусторонних отношений.

Ключевые слова: история ФРГ, советско-германские отношения, холодная война, разрядка.

**THE ISSUE OF RECOGNIZING POSTWAR BORDERS
IN POLITICAL AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN
THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AND THE USSR
IN 1949-1970**

Sorokin Aleksei Nikolaevich

*Candidate of History Dostoevsky Omsk State University,
Omsk*

The article focuses on the issue of non-recognition of the postwar borders in Eastern Europe by the West German government in the context of the development of bilateral relations between the Federal Republic of Germany and the USSR. The negative consequences of the contradictions in the German question for the development of economic relations are defined. The main reasons for the policy

of non-recognition of the Federal Republic of Germany until 1970 and the change in concept after Willy Brandt's government came to power are revealed. The role of the Treaty of Moscow (1970) for the development of bilateral relations is shown.

Key words: German History, Soviet-German relations, the German question, Cold War, detente.

Долгие десятилетия после окончания Второй мировой войны германский вопрос оставался существенным дестабилизирующим фактором международных отношений в части блокового противостояния в целом и в части взаимоотношений с Советским Союзом и странами социалистического лагеря в частности. Под «германским вопросом» обычно подразумевается факт послевоенного раскола Германии во взаимосвязи с комплексом различных представлений ФРГ, ГДР и четырех держав-победительниц по вариантам его устранения. До Московского договора 1970 г. в германский вопрос входила также проблема непризнания правительством ФРГ послевоенных границ, то есть потери так называемых «восточных территорий».

Как известно, по условиям Потсдамского соглашения 1945 года Германия лишилась не только территорий, оккупированных Третьим рейхом, но и ряда немецких областей, принадлежавших ей на 31 декабря 1937 года (31 декабря 1937 года – это разработанная державами-победительницами дата для определения исторических немецких границ до начала территориальной экспансии Гитлера). Восточная Пруссия была целиком предана Советскому Союзу и Польше, части Шлезии, Померании, Бранденбурга, Саксонии были отошли Польше [15, с. 134-135].

При федеральных канцлерах Аденауэре (1949-1963), Эрхарде (1963-1966) и Кизингере (1966-1969) правительство ФРГ последовательно отказывалось признавать потерю восточных территорий, отошедших к Советскому Союзу и Польше. Особенно жесткими в этом отношении выглядели позиции первого федерального канцлера, «отца-основателя» Западной Германии Конрада Аденауэра, за что он незаслуженно получил в странах социалистического лагеря репутацию реваншиста.

Сегодня можно с большой долей уверенности говорить, что непризнание Аденауэром потери восточных территорий имело в ос-

новном популистские причины. Потсдамским соглашением 1945 года была узаконена депортация немецкого населения Восточной Европы. Точное число беженцев и насильственно перемещенных лиц с восточных территорий сложно установить, по различным оценкам это могло быть от 8 до 12 миллионов человек [11, с. 130]. В любом случае, число очень значительное, вместе с родственниками и сочувствующими это был гигантский электорат.

Беженцы интегрировались в политическую систему: с 1950 по 1957 год в бундестаге был представлен «Блок изгнанных и лишённых прав», входивший в правящую парламентскую коалицию. По всей ФРГ существовали «землячества Восточной Пруссии», «землячества судетских немцев» и др. Эти союзы, исходя из разработанного ими же «права на родину», выдвигали политические требования по возврату земель, входивших в состав Германии до Потсдамского соглашения. Союзы имели свои газеты и издательства. Аденауэр, во-первых, не готов был лишиться поддержки этой группы населения, а, во-вторых, предпочитал держать вопрос открытым для последующего признания границ в качестве уступки на переговорах по воссоединению [10, S. 115].

В настоящее время известно несколько источников, которые свидетельствуют о том, что Аденауэр и его правительство едва ли рассчитывали на возврат потерянных территорий. Министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Брентано, который не был самостоятельным политиком и всецело разделял и воплощал в жизнь взгляды канцлера, в письме Аденауэру сообщал, что считает «очень даже возможным, что однажды немецкий народ будет поставлен перед вопросом, готов ли он отказаться от этих областей, чтобы за счет этого освободить 17 миллионов немцев в Советской зоне, или он не захочет этого делать, только для того чтобы настаивать на достаточно проблематичном притязании на восточные области» [1, S. 192].

Немецкий историк Аксель Фрон опубликовал выдержки из записок шеф-редактора информационного агентства д-ра Фрица Зенгера. Речь идет о содержании разговора Конрада Аденауэра с председателем СДПГ Эрихом Олленхауэром в 1953 году. Зенгер в своих записках привел следующие слова Аденауэра: «Мы сначала ещё должны заплатить. Мы ведь ещё не рассчитались. Потому что нет нерешенности, господин Олленхауэр, потому что все во-

просы давно решены. Одер-Нейсе, восточные области и т. д. Они потеряны! Их больше нет!» [3, S. 522].

В решении германского вопроса первый федеральный канцлер делал ставку на так называемую «политику силы», которая не предполагала насильственных действий, а являла собой консолидированную и твердую политику лагеря западных демократий по противодействию расширению советской сферы влияния. По мнению канцлера, следовало укреплять собственную демократию и отношения с Западом, ждать отступления СССР из Восточной Европы и ГДР, не идти на уступки. Дипломатические отношения ФРГ-СССР были установлены в 1955 году, но это событие мало повлияло на развитие двусторонних конструктивных взаимодействий: из-за нерешенных политических проблем, прежде всего германского вопроса, куда входил и вопрос признания границ, буксовало развитие всех других сфер отношений. Прежде всего, это касалось экономики.

Германия традиционно являлась важным торговым партнером Советского союза, до этого Российской империи. Наша страна исторически поставляла в основном сырье, полуфабрикаты и сельхозпродукцию в обмен на технологии, оборудование, готовые изделия. Торговля полностью остановилась с агрессией Гитлера, а после образования ФРГ возрождалась крайне медленно, хотя потенциал торгово-экономических связей стран был, как обычно, огромен. Правительство ФРГ из-за нерешенного германского вопроса искусственно тормозило развитие торговли. Наглядный пример – сам визит Аденауэра в Москву в сентябре 1955 года.

7 июня в посольство ФРГ в Париже поступила советская нота с предложением Аденауэру посетить Москву для проведения переговоров об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений. Как видно, советская сторона в предлагаемых темах для переговоров изначально отводила одно из главных мест экономическим отношениям, развитию торговых связей [5, S. 23-24]. Однако федеральный канцлер после консультаций с министром экономики Л. Эрхардом решил не обсуждать развитие экономических отношений в Москве [7, S. 103]. Ответ, почему, содержится в меморандуме Эрхарда от 25 августа 1955 года, авторство которого принадлежит его ближайшему сподвижнику, одному из отцов социальной рыночной экономики А. Мюллеру-

Армаку. Согласно меморандуму сближение ФРГ-СССР в области экономики виделось возможным лишь в ответ на советские уступки в политических вопросах. Например, выделение займов представлялось одной из ответных услуг в обмен на частичное удовлетворение требований ФРГ по воссоединению [6, S. 81-90]. Подобная позиция вела в тупик: Советский Союз не был готов к уступкам, поэтому политические и экономические отношения не развивались должным образом.

Приемники Аденауэра Эрхард и Кизингер, представлявшие ту же партию ХДС, декларировали более гибкую восточную политику, но на деле в своем стремлении развивать отношения с Востоком спотыкались на нежелании, или неготовности, изменить основную стратегию решения германского вопроса [11, с. 214-216]. Непризнание ГДР и линии Одер-Нейсе делало невозможным коренное улучшение отношений с Советским Союзом. СССР был заинтересован в консолидации и стабилизации собственного лагеря, вопрос признания ГДР и границ был жизненно важен. В целом западногерманская политика непризнания послевоенных границ была недальновидна и неконструктивна: во всем мире не нашлось бы ни одного государства, готового поддержать позицию ФРГ. Непризнание границ на Востоке оставалось, пожалуй, последним опасным рецидивом Второй мировой войны, гипотетически влекло за собой вероятность нового конфликта, создавало напряженность в системе европейских международных отношений.

Можно найти огромное количество обличающей риторики и взаимных обвинений сторон в германском вопросе до 1970 года. В этой связи можно просто привести несколько названий работ советских авторов о внешней политике Бонна, даже не раскрывая их содержание [13; 14; 16]. Из-за разных точек зрения по поводу решения германского вопроса, принципиальной позиции руководства ФРГ и СССР страдали реальные сферы взаимоотношений, в том числе экономика. Иногда доходило почти до абсурда. Например, министерство связи СССР возвращало обратно западногерманские письма с марками серии «Исторические памятники XII века», на которых были изображены здания Калининграда, Шецина, Дрездена и других городов потерянных восточных территорий. Советское министерство связи по согласованию с МИД

рассматривало выпуск подобных марок «как проявление политики реванша и притязаний на единоличное представительство Германии» [Архив внешней политики РФ. Ф. 0757. Оп. 14. Д. 9. П. 54. Л. 72].

Нерешенные политические проблемы были препятствием для развития полноценных экономических контактов и для советской стороны. Например, стремление правительства Кизингера в определенной мере активизировать экономические связи, советское руководство, в частности советский МИД, еще в 1969 году интерпретировали как желание уйти от решения острых политических вопросов за счет «расчленения «пакета требований» и попыток удовлетворения экономической повестки в отрыве от политической» [АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 14. Д. 9. П. 54. Л. 21].

Лишь приход к власти в ФРГ социал-демократов во главе с Вилли Брандтом в октябре 1969 года коренным образом меняет ситуацию. Сама концепция восточной и германской политики ФРГ претерпевает коренные изменения. Брандт считал, что Запад должен принять предложение мирного экономического и политического соревнования с СССР, тогда он видел в этих процессах первые признаки демократической трансформации советского социализма [8, S. 549-552]. Под мирным сосуществованием Брандт понимал активную, наступательную концепцию Запада, которая подразумевала и изменение сложившегося статуса кво в пользу Запада, но только мирными средствами, в ходе диалога и взаимодействия с Востоком [9, S. 163]. Если Аденауэр стремился к изоляции Советского Союза, то Брандт выступал за интенсификацию контактов. Упрощенно можно сказать, Аденауэр полагал: Советский Союз уйдет, Западу надо быть сильными и ждать, а Брандт считал позиции и интересы Советского Союза – объективная реальность, с ним нужно работать, сотрудничать здесь и сейчас, чтобы добиться позитивных для Запада изменений. Брандт еще в качестве министра иностранных дел «Большой коалиции» (1966-1969) сигнализировал готовность идти навстречу СССР в вопросе признания послевоенных границ [11, с. 216]. Позже во время телеобращения к нации из Варшавы он назвал это «не политикой отказа, а политикой здравого смысла» [2, S. 250-251].

12 августа 1970 года в Екатерининском зале Кремля был подписан Московский договор между ФРГ и СССР. ФРГ и СССР

гарантировали, что «не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем». Отдельно было сформулировано обязательство рассматривать «как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего Договора, в том числе линию Одер-Нейсе, которая является западной границей Польской Народной Республики, и границу между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой» [12]. Проблема непризнания границ перестала отягощать германский вопрос, который не был окончательно разрешен, но в целом потерял в остроте, в том числе и за счет признания ГДР.

Московский договор 1970 года стал эпохальным событием в истории российско-германских отношений на современном этапе. Советский Союз, наконец, получил от ФРГ то, чего добивался долгие годы, обвиняя предшественников Брандта в реваншизме: признания послевоенных границ. При этом ГДР впервые официально именовалась западногерманской стороной государством с собственными границами. С подписанием Московского договора главный отягощающий взаимные отношения фактор навсегда ушел в прошлое, позволив, наконец-то, политическим и экономическим отношениям реализовать высокий потенциал развития.

Абсолютно верно оценил потенциальное значение договора для двух стран Брежнев на встрече с Брандтом в день его подписания 12 августа 1970 года: речь шла не только о реализации договора в виде каких-либо конкретных действий по развитию двусторонних отношений, но и о коренном переломе в развитии отношений в сторону улучшения, сближения в целом, о создании уверенности в этом у советского народа [4, S. 1452-1453].

Факт прямой и ощутимой зависимости экономических отношений между странами от состояния политических отношений неоспорим, причем как для исторических, так и в еще большей степени для современных событий. Деловой климат всегда означал многое и зависел от политической конъюнктуры. Московский договор создал, наконец-то, тот благоприятный деловой климат, который позволил экономическим отношениям в короткий период реализовать свой огромный потенциал. После заключения Московского договора рост товарооборота ФРГ-СССР с 1970 по

1973 годы был взрывным, а не плавным: исчезла политическая преграда, а дальше экономическая конъюнктура взаимных отношений быстро взяла свое, или наверстала упущенное за долгие годы. Ни до, ни после такого взрывного роста товарооборота больше не было. Объем товарооборота с 1970 года по 1973 год удвоился [АВП РФ. Ф. 757. Оп. 16. П. 94. Д. 16. Л. 3; АВП РФ. Ф. 757. Оп. 19. П. 106. Д. 15. Л. 10].

Непризнание послевоенных границ Западной Германией долгое время было деструктивным элементом двусторонних отношений ФРГ-СССР, блокировало или усложняло развитие различных аспектов взаимодействия, в том числе экономического сотрудничества. Лишь после решения этой проблемы подписанием Московского договора 1970 года политические и экономические отношения между странами смогли реализовать свой высокий потенциал. Новая восточная политика Вилли Брандта, нашедшая позитивный отклик советского руководства, положила конец затяжному периоду конфронтации и открыла эру конструктивного сотрудничества нашей страны с Германией.

Список литературы

1. Baring A. Sehr verehrter Herr Bundeskanzler! Heinrich von Brentano im Briefwechsel mit Konrad Adenauer 1949-1964. Hamburg: Hoffman und Campe, 1974. 511 S.
2. Brandt W. Reden und Interviews. Hamburg: Hoffman und Campe, 1971. 365 S.
3. Frohn A. Adenauer und die deutschen Ostgebiete in den fünfziger Jahren // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Heft 4. S. 485-525.
4. Gespräch des Bundeskanzlers Brandt mit dem Generalsekretär des ZK der KPdSU, Breschnew, in Moskau, 12. August 1970 // Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1970. Bd. 2. S. 1449-1464.
5. Kilian W. Adenauers Reise nach Moskau. Freiburg: Herder, 2005. 381 S.
6. Müller-Armack A. Auf dem Weg nach Europa. Erinnerungen und Ausblicke. Tübingen; Stuttgart: Rainer Wunderlich; C.E. Poeschel, 1971. 267 S.
7. Rudolph K. Wirtschaftsdiplomatie im Kalten Krieg. Die Ostpolitik der westdeutschen Großindustrie 1945-1991. Frankfurt/Main: Campus Verlag, 2004. 455 S.

8. Schmidt W. Die Wurzeln der Entspannung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2003. Н. 4. S. 521-563.
9. Schmidt W. Willy Brandts Ost- und Deutschlandpolitik // B. Rother (Hrsg.). Willy Brandts Außenpolitik. Wiesbaden: Springer, 2014. S. 161-257.
10. Schwarz H.-P. Anmerkungen zu Adenauer. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. 218 S.
11. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: Росспэн, 2005. 336 с.
12. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией [Московский договор], 12 августа 1970 г. // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0017_mos&object=translation&st=&l=ru
13. Марков К. А. «Восточная политика» ФРГ и реваншизм 1949-1982 гг. Днепрпетровск: Днепрпетровский государственный университет им. 300-летия воссоединения Украины с Россией, 1988. 83 с.
14. Милукова В. И. Дипломатия реванша (внешняя политика ФРГ в Европе). Москва: Наука, 1966. 299 с.
15. Потсдамская конференция трех держав // Хрестоматия по новейшей истории / Под ред. Б. Г. Гафурова и др. Том II. 1939-1945. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 134-135.
16. Шапошниченко П. П. Политика Бонна – угроза безопасности в Европе. Очерк внешней политики ФРГ 1949-1961 гг. Москва: Соцэкгиз, 1962. 133 с.